

ТЁМНАЯ СТОРОНА ЛУНЫ. ОБ ОДНОЙ МАСКЕ БЕНА ДЖОНСОНА.

Предисловие переводчика

«Маска» – театральный жанр, который возник в Англии ещё в XIII веке, достиг расцвета при дворе Елизаветы и Якова I и угас в годы правления Карла I – известен у нас разве что историкам-театроведам и литературоведам. Между тем в англоязычных странах отзвуки этого жанра до сих пор слышны и в литературе (например, «Маска Разума» и «Маска Милосердия» Роберта Фроста), и в зрелищных искусствах (стилистика старинной маски заметна в фильмах такого современного режиссёра, как Питер Гринэуэй – и не только в «Книгах Просперо», великолепной экранизации шекспировской «Бури»).

Маска представляла собой драматургическое приношение той или иной знатной особе, имеющее целью одновременно прославить, развлечь, а то и украдкой наставить на ум могущественного заказчика. Приурочивались маски к каким-то событиям жизни заказчика (свадьбы и пр.) или к календарным праздникам, чаще всего – к последнему дню Святков. По форме это обычно была небольшая пьеса аллегорического содержания, иногда с сатирическими нотками, где действие перемежалось песнями, танцами, сопровождалось богатыми сценическими эффектами. В завершающем танце участвовали уже не только актёры, но и зрители – собственно, конец маски был началом бала. Постановка маски отличалась пышностью, для её оформления приглашались такие знаменитые мастера, как великий английский архитектор Иниго Джонс.

Маски сочиняли Ф. Бомонт, Дж. Флетчер, Дж. Ширли – драматурги с солидной литературной репутацией. Но особый блеск придал искусству маски Бен Джонсон – «несравненный Бен Джонсон», как гласит надпись на его могиле в Вестминстерском аббатстве. Сам неизменно требовательный Джонсон считал, что, кроме него, маски умеют писать только два драматурга: Флетчер и Чапмен.

До нас дошло около трёх десятков масок, написанных Джонсоном (сохранились далеко не все). Это произведения разного литературного достоинства, но не надо забывать, что художественная ценность маски не сводится лишь к её литературной основе. Текст её нельзя рассматривать в отрыве от музыки, хореографии, сценографии, даже архитектурных особенностей помещения (хотя Джонсон и настаивал на том, что маска – в первую очередь литературное произведение: из-за этого убеждения он постоянно ссорился со своим сотрудником Иниго Джонсом, который видел в маске, прежде всего, яркое зрелище).

Есть и другая причина, по которой сегодня порой трудно понять, почему маски Джонсона имели такой громкий успех. Причина эта – их злободневность: каждая маска даже в большей мере, чем драматические произведения для широкой публики, изобиловали намёками на реальные события и лица. Автору не за чем было стремиться к общепонятности: «срок жизни» маски ограничивался одним-двумя представлениями, смотрел её узкий круг придворных, которые каждое иносказание понимали с полуслова, поэтому сегодня читать эти пьесы без обстоятельного комментария бывает нелегко.

Маска «Вести из Нового света, открытого на Луне» была написана сразу после возвращения Джонсона из Шотландии (подробнее об этом его путешествии см. в тексте маски и в комментариях) и представлена дважды – 17 января, в последний день Святков, и на Масленицу, 29 февраля 1620 г.

Сегодня нам может показаться, что тематический разброс пьесы смахивает на тематический разброд, что диалог смётан на живую нитку, что герои говорят обо всём, что в голову взбредёт. Это не так. В пьесе переплетено несколько тем, в ту пору животрепещущих и близких Джонсону. Остановимся лишь на некоторых.

Всего через два года после появления «Вестей из Нового света» лондонские издатели Натаниел Баттер, Николас Берн и Томас Арчер начинают выпуск первой в истории английской газеты «Еженедельные известия» (“*Weekley Newes*”). А ещё через три года, в 1625 г., Джонсон пишет комедию “*Staple of News*” – «Лавка новостей». (Она известна у нас под названием «Склад новостей», но такой перевод не совсем точен: слово *staple* означало не только место, где хранится товар, но и где его продают, и герои комедии занимаются не столько складированием, сколько сбытом.) Там он даёт своим персонажам возможность «открыть бизнес», о котором в «Вестях из Нового света» говорится лишь вскользь – заняться торговлей новостями. Фантастическое предвидение: Джонсон уже в маске наметил тип журналиста («новостятника», как окрестит его в конце XIX в. русский писатель Николай Лейкин), который в реальности сложился гораздо позже. И как наметил! Хоть сейчас включай «Вести из Нового света» (и уж тем паче «Лавку новостей») в список литературы для обязательного чтения на факультетах журналистики. Пусть студенты поймут, почему не так давно съезды отечественного Союза журналистов проводились в Центре мировой торговли.

Сделав вступительной темой маски сатиру на оборотистых вестовщиков, Джонсон руководствовался не только личной неприязнью к этой братии. А неприязнь была: она отразилась в более ранних пьесах Джонсона. Но маска – иное дело, тут личные пристрастия допустимы лишь в той мере, в какой они совпадают со взглядами и вкусами

заказчика. Заказчик же – король Яков I – буквально за год до постановки маски издал «Указ против чрезмерного распространения вольных суждений о делах государственных», призванный хлопнуть по рукам чересчур ретивых издателей печатных листков. Указ этот имел свою историю. В 1618 г. сейм Богемии отказался признать своим королём католика Фердинанда Штирийского и избрал вместо него кальвиниста Фридриха Пфальцского, зятя короля Якова. Католические силы Европы во главе с Габсбургами обрушились на мятежных богемцев. Началась война, вошедшая в историю под названием Тридцатилетней. Общественное мнение Англии и парламент были на стороне Фридриха, однако Яков не выказывал ни малейшего желания придти на помощь зятю и вместо этого всячески мирволил католикам. Репутация короля пошатнулась в глазах его подданных. Возмущение выражалось не только в частных беседах, по рукам ходили карикатуры на монарха, лондонские печатники издавали переведённые с голландского бюллетени о ходе войны, где явно чувствовались протестантские симпатии авторов. Ответом на это и стал королевский указ.

Поэтому, изображая в своей маске предприимчивых «новостятников», придворный поэт Бен Джонсон объединяет в этом образе ненавистных ему поставщиков обывательских сплетен и оппозиционеров, недовольных королевской политикой (в написанной в 1622 г. маске «Время, восстановленное в своих правах и чести» это отождествление станет совсем недвусмысленным). За этим стоит желание потрафить августейшему заказчику, не изменяя при этом самому себе, – задача, которую Джонсону приходилось решать при написании всякой маски. До самозабвенного раболепства он не опускался: Драммонд отмечает в своём дневнике, что Джонсон «выражал желание сделаться священником, чтобы удостоиться чести произнести перед Государем одну проповедь, а там будь что будет, ибо льстить он не станет даже под угрозой смерти».

Такую же двойную подоплёку имеет и антирозенкрейцерская линия маски. Всю свою творческую жизнь Джонсон не оставлял розенкрейцеров в покое. Для него, выученика Аристофана, Лукиана и Марциала, загадочное Братство Розы и Креста стоит в одном ряду с астрологией, алхимией, кабалистикой – с тем тайнознанием, над которым он вдоволь наиздевался в комедии «Алхимик». (Джонсон и сам умел составлять гороскопы, но не верил астрологическим предсказаниям. Однажды, надев длинный балахон и нацепив накладную бороду, он выдал себя за астролога и ловко разыграл некую легковерную даму.) Джонсон был человеком Возрождения, но возрождения классической античной традиции, а не герметического мистицизма, и течение, названное великолепной исследовательницей ренессансной культуры Ф. Йейтс «розенкрейцерским просвещением», было ему чуждо.

Вся эта таинственность, которой окружили себя розенкрейцеры – попросту шарлатанские уловки, придуманные чтобы морочить сброд, «туман» и «облака» (образ, возможно подсказанный драматургу комедией Аристофана; про облака, служащие защитой и прикрытием членам Братства, говорится и в розенкрейцеровском манифесте «Исповедание Братства»). Недаром в маске не всезнайка-Историк, а именно Печатник, усердствующий на потребу обывателя, упоминает Корнелия Агриппу и знаком с изображением Коллегии Розенкрейцеров из немецкого трактата.

При этом собственные взгляды Джонсона опять совпадают с тем, что нашёптывало ему, по выражению Е.Л. Шварца, «чувство заказчика». У Якова были свои причины ненавидеть розенкрейцеров. Человек, который ещё в бытность свою Яковом VI, королём Шотландии, написал трактат «Демонология», а в 1604 г., уже став королём Англии, издал Статут против ведовства, едва ли мог одобрить деятельность общества, признающего в своём «Исповедании», что его члены имеют способность вступать в сношения со стихийными духами. Кроме того, розенкрейцеры определённо напоминали королю о ненавистном богемском дворе. Умерший в 1612 г. император Священной Римской империи, король Богемии Рудольф II отличался редкостной веротерпимостью. Прага, куда он перевёл свой двор, привлекала сторонников самых разных учений, верований и сект – от гуситов и иудейских кабалистов до мыслителей, оставивших заметный след в истории философии и естественных наук, таких как Джордано Бруно, Иоганн Кеплер, Тихо Браге. В Богемии была прекрасная питательная среда для развития астрологии, алхимии и прочих отраслей тайнознания. Связывали с Богемским двором и Братьев Розы и Креста.

Но всё это частные сюжеты. Современники же в первую очередь различали в маске её мощное аллегорическое основание, создававшее «силовые линии», по которым выстраивались мелкие злободневные темы. Эта аллегорическая основа станет ясна, если приглядеться к астрономическим образам диалога и заключительных песен. «Пламенник на троне», зеркало, отражающее солнечные лучи – и лунные облака и туманы. «Король-солнце», придающий стройность движению танцоров-планет (и течению дел в государстве) – и лунный антимир с его сумбурностью и нелепостью. Солнечный космос – и лунный хаос. В культурно-историческом контексте эпохи это противопоставление имело явную политическую окраску. Поэты и драматурги обычно выводили королеву Елизавету в образе Цинтии (Кинфии) – эпитет, который в древности прилагался к богине Диане (от названия горы Кинф на острове Делос, где родилась Диана). Образ целомудренной богини как нельзя лучше подходил королеве-девственнице. Впрочем, такая аллегория имела и серьёзную религиозно-политическую подоплёку, но изложить её в комментарии к одной-

единственной маске значило бы замахнуться слишком широко – подробнее об этом можно прочесть, например, в статье А.В. Нестерова «К последнему пределу. Джон Донн: портрет на фоне эпохи» («Литературное обозрение», 1997, № 5). Для первого приближения к аллегорической основе джонсоновской маски важно уже то, что Диана-Кинфия, олицетворение Луны была для читателей и зрителей устойчивым обозначением покойной монархини. Поэтому противопоставление дневного и ночного светил у Джонсона выступает как противопоставление двух царствований. Кстати, Джонсон также приложил руку к мифологизации образа Елизаветы: речь идёт о его пьесе «Празднества Кинфии» (1660 г.). А в 1616 г., переиздавая «Празднества», он снабдил пьесу новым предисловием, где встречается косвенное подтверждение предложенной здесь трактовки «Вестей из Нового света»: обращаясь к Якову, автор весьма деликатно порицает нравы «в правление Кинфии» и выражает надежду, что «под властью твоего **Феба**» добрые примеры умножатся. Порядки при дворе богини Луны явно противопоставлены чаемым нравам при дворе бога Солнца.

Но было бы ошибкой записывать Джонсона в беспринципные приспособленцы. Предисловие к «Празднествам Кинфии» помогает уточнить целевую установку «Вестей из Нового света». Изображая «тёмную сторону Луны» и воспевая короля-Феба, поэт не собирался возвеличивать нового владыку ценой унижения прежней монархини. За осуждением «лунных» нравов крылось назидание: Джонсон показывал королю, каких ошибок ему надлежит избегать, чтобы стать воистину Солнцем для своей империи. Подобно Горацию и Державину, он предпочитал «истину царям с улыбкой говорить», и не зря обращение к Якову, предваряющее «Празднества Кинфии», заканчивается словами: «Твой слуга, но не раб».

Нет нужды объяснять, насколько необходимы эти сведения переводчику джонсоновской маски. Они помогают не только расшифровать и перевести ту или иную историческую реалию, но и точнее определить и проявить в переводе смысловые акценты, разобраться авторских оценках (без таких фоновых знаний для этого пришлось бы руководствоваться пресловутым «духом оригинала» – критерием довольно ненадёжным), уяснить себе, какие составляющие образной системы непременно подлежат передаче в переводе, а какими можно, в крайнем случае, пожертвовать. Но и этого мало. Кроме исторического контекста переводчику необходимо принимать в расчёт и, так сказать, индивидуальный творческий контекст – всё написанное Джонсоном. Драматург относился к тому разряду авторов, которые всю жизнь словно бы создают одно произведение. Темы и образы одних пьес подхватываются, обыгрываются, развиваются в других с таким

постоянством, что, в конце концов, все слагаемые поэтики автора приобретают устойчивую взаимозависимость. О тематических отзвуках других произведений Джонсона сказано отчасти выше, отчасти в комментариях к переводу, теперь же – несколько замечаний о том, как широкий контекст, образованный всем творческим наследием Джонсона, может подсказать переводчику эквивалент того или иного образа в одном конкретном произведении.

Ограничимся одним примером. Въедливого критика, который возьмёт на себя труд сличить перевод с подлинником, могут смутить неоправданные, на первый взгляд, отступления от формы. Например, зазывные выкрики глашатаев в самом начале маски звучит так: “News, news, news!” – “Bold and brave news!” – “New as the night they are born in.” Последняя фраза была передана в переводе как «Нынче ночью добыты! С пылу, с жару!» Автор обыгрывает выражение “as new as day”, которое в шекспировскую эпоху было устойчивым фразеологическим сочетанием (только с учётом «лунной» тематикой маски «день» заменяется «ночью»). Едва ли передача фразеологизма в переводе столь же расхожим фразеологизмом вызовет возражения. Другой вопрос – насколько предложенный вариант перевода равноценен английскому выражению по стилистической окраске. Не слишком ли он просторечен? И не слишком ли «русским духом пахнет»?

Тут-то нам и поможет самый широкий контекст – всё творчество драматурга. Отмеченное выражение встречается в его пьесах не раз. Так, в «Лавке новостей» Пеннибой-младший, наведавшись в заведение «новостятников», осведомляется: “What news ha’ you?/ News o’this morning? I would fain hear some/ Fresh from the forge (*as new as day, as they say*).” В переводе Т. Левита: «Какие/ Есть новости? Хотел бы я услышать/ Их с пылу с жару – прямо из печи». Не в упрёк переводчику: в подлиннике – знаменательная оговорка: “as they say”. Герой подчёркнуто отстраняется от произнесённой им фразы, показывает, что вообще-то это выражение не из его лексикона: «как говорится». *Кем* говорится? Кто эти *they*? Ответ мы находим в другой комедии Джонсона, «Новая гостиница», где лорд Латимер на знакомую уже реплику героини: “As new as day” восклицает: “She answers like a fish-wife.” *Рыбная торговка* в английской культуре по сей день считается устойчивым символом простонародной грубости, вульгарности (поклонникам группы «Битлз» наверняка вспомнится песня “I am the Walrus”: “Crabalocker fishwife, pornographic priestess...”)

Вот какие ассоциации пытался вызвать этим выражением у своих зрителей Джонсон. И то, что он так настойчиво возвращается к этой фразе в разных пьесах, показывает, что она имела для него значение едва ли не эмблематическое, была ёмким

средством речевой характеристики. Именно этим и должен руководствоваться переводчик в поисках эквивалента для её передачи. Вообще при переводе произведений Джонсона приходится постоянно помнить, что имеешь дело с автором, у которого была своя собственная обстоятельная, осознанная, до педантичности соблюдаемая языковая программа – он относился к языку с таким воспалённым вниманием, что впору говорить не о языковом чутье, а о языковой чувствительности. Впрочем, это ещё одна новая тема.

Время зашифровало маски Джонсона. Такова судьба всякой аллегии «на злобу дня»: с годами некоторые из масок стали напоминать чуть ли не произведения драматурга-абсурдиста. Но всякий, кому интересна блистательная эпоха их создания, не пожалеет об усилиях, потраченных на расшифровку.

БЕН ДЖОНСОН

ВЕСТИ ИЗ НОВОГО СВЕТА, ОТКРЫТОГО НА ЛУНЕ

Маска – как она была представлена
при дворе в присутствии короля Якова, 1620 г.

* * *

Nascitur è tenebris: et se sibi vindicat orbisⁱ

*

Входят два Глашатая, Печатник, Историк и Фактор.

1-й Глашатай: Вести! Вести! Вести!

2-й Глашатай: Важные, отменные!

1-й Глашатай: Нынче ночью добыты! С пылу, с жару!

2-й Глашатай: Со слов искусного придумщика!

1-й Глашатай: Всем вестям вести!

2-й Глашатай: А вот кому вести!

Печатник: Мне. Премного благодарен, сэра. Сколько стоят?

1-й Глашатай: Стоят? Экий чурбан! Они стоят вашего внимания – чего вам ещё?

Разве тут кто имеет обыкновение платить?

2-й Глашатай: Пожалуйте-ка к нам. Судя по свинорылому набалдашнику у вас на плечах, вы, верно, какой-нибудь торговец неотёсанный. Это они воображают, будто лишь то хорошо, что продаётся.

Печатник: Ваша правда, джентльмены, я и впрямь по торговой части. Я печатник, печатаю новости. Собираю любые, сколько бы за них ни запросили. Что хотите отдам за слух, достойный печати. Справедливый ли, ложный ли – всё сгодится, лишь бы посвежее.

1-й Глашатай: Хорош мальчик!

Историк: А я, джентльмены, по части известий политических, ибо они нужны для моего пространного сочинения (исторического моего труда), на рукопись коего уйдёт самое малое полторы тысячи листов – такой у меня уговор с издателем. Осталось две сотни с лишком, а писать не о чем. Я тут обретаюсь с утра, с семи часов, в надежде наскрести наблюдений хоть на одну страницу. И, кажется, собрал: отметил, сколь просторны лестницы и сколько в них ступеней, дважды пересчитал, сколько свечей освещает залу. И всё это я занесу в книгу доскональнейшим образом, ибо величайшая моя отрада – доводить до потомков сущую правду.

1-й Глашатай: Этот ещё почище.

Фактор: Ну а я, джентльмены, не печатник, не историк, и перо мне служит для иных удовольствий. Я фактор, рассылаю новости по всем графствам Англии.ⁱⁱ Пишу обыкновенно по тысяче писем в неделю, бывает, что и тысячу двести. Дело своё окружил я этакой важностью – надо же внушить уважение своим подручным в столице и приятелям в провинции, кому эти письма предназначены. А приятели мои всяких сословий, всяких исповеданий, оттого и новости для рассылки у меня расписаны по разрядам: новости пуританские, новости англиканские, новости католические.

2-й Глашатай: Ну, этот всех превосходнее!

Фактор: А вскорости я заведу Лавку Новостейⁱⁱⁱ, и всякое известие, какое будет туда или оттуда поступать, станет именоваться «лавочной новостью». Оно понадежнее, чем печатать байки, как в Суссексе объявился дракон^{iv} или как в Дерби ведьмы зазвали на ужин нечистого. Пошлешь такую весть в те палестины, где этой истории указано было разыграться, а там ничего похожего отродясь не случилось.

Печатник: А по мне, сэр, моё ремесло стоит вашего. Подобные байки печатаются для простонародья. За что же лишать простолюдина сказок, для его удовольствия сочинённых? Вы-то охочи до слухов, которые выдумывают прихожане в Соборе Святого Павла для вашего удовольствия.^v

1-й Глашатай: А ведь он прав, сэр.

Фактор: Я и не спорю. Но печатать-то их зачем? Уж это из рук вон. Печатная новость уже не новость, а вставишь её в письмо – она так и останется новостью, хотя бы в ней и слова правды не было.

Печатник: Воистину, всяк судит по-своему. Да ведь великое множество людей никакому слову, кроме печатного, не верят, у таких только печатная новость и почитается новостью. Для таких-то я и держу типографию, для них и нанял тьму сочинителей выдумывать поучительные слухи. А лет через пять, когда известие забудется, переменю дату и снова пушу его в оборот. Всё в прок.

Историк: Ну уж нет, от таких известий проку мало.

Печатник: Как это мало, господин историк? Я...

1-й Глашатай: Не ссорьтесь, джентльмены. наших вестей на всех хватит. Только бы вы поверили.

Печатник: Поверю. Ей-Богу, поверю.

Фактор: А я поверю, сколько моей веры станет.

Историк: А я постараюсь, хотя уж порядком изверился. Мне столько раз всучали ложные известия, что и составление моего труда не стоило мне столько сил, сколько исправление.

Фактор: Ну, довольно. Так что ваши новости, джентльмены? Откуда они?

1-й Глашатай: Наши – с Луны.

Фактор: С Луны? И как же они к вам дошли – по суше или по морю?

1-й Глашатай: С неба свалились. По мне – кратчайший путь.

Печатник: А, в зрительную трубу! Знаю: такая вещичка не больше футляра для флейты. Сосед мой, что шлифует стёкла, такое сто раз проделывал. Возьмёт трубу, пропустит в неё Луну, выпустит через мундштук и она делается раз в двадцать больше корабельного дромгеда.^{vi} До неё было ближе, чем вон до той стены.

Историк: Тоже мне новость! Кого нынче удивишь стекольными фокусами? Они так же новы, как Пифагоров способ писать и читать на Луне.^{vii}

Печатник: Верно. Да вы, видать, книгочей. И Корнелий Агриппа писал про этот способ – *in disco lunae*.^{viii}

1-й Глашатай: Видит Бог, сэр, вы заблуждаетесь: мы добыли свои вести не по способу Корнелия Агриппы или Корнелия Дрябла.^{ix}

2-й Глашатай: Без посредства стёкол, которые...

1-й Глашатай: Без философических измышлений.

2-й Глашатай: И астрологических вычислений.^x

1-й Глашатай: И розенкрейцерских премудростей. Никакого насилия над рассудком – одною лишь чистой и ясной силой Поэзии.

2-й Глашатай: Покровительницы всяких открытий.

1-й Глашатай: Которая пренебрегла этими затейливыми гаданиями, но нашла себе слугу и отрядила на поиски истины. Слуга же этот побывал там...

2-й Глашатай: На Луне.

1-й Глашатай: Побывал самолично.

2-й Глашатай: И нынче вечером воротился.

Фактор: Где он? Пусть сперва предъявит собаку на привязи и вязанку хвороста – тогда поверю.^{xi}

1-й Глашатай: Ну так и не утруждайте понапрасну свою веру. А то не сесть бы вам в лужу со своим ожиданием: вдруг вязанка хвороста окажется изрядной дубравой.

2-й Глашатай: Это лишь на театре Человека с Луны наделяют такими допотопными причиндалами. Они обломки глухой древности, правдоподобия в них столько же, сколько в вымыслах театрального сочинителя.^{xii}

Историк: Ах, нет, сэр, древность не браните. Я не выношу, когда дурно отзываются о древности.

1-й Глашатай: Вот и тешьте себя тем, что у вас древняя жена и почтенных лет куртка. А у нас – вы же слышали – не древности, а новости.

2-й Глашатай: Верные и несомненные.

1-й Глашатай: О новом свете.

2-й Глашатай: И его невиданных жителей.

1-й Глашатай: На лике Луны.

2-й Глашатай: Каковая оказалась обитаемым краем.

1-й Глашатай: Где есть судоходные реки и моря.

2-й Глашатай: Множество стран, племён и законов.

1-й Глашатай: Гавани, порты, замки.

2-й Глашатай: Города, деревушки, ярмарки, рынки.

1-й Глашатай: Графства, пастбища, парки, леса, поля для кроличьей травли – чего-чего нет!

2-й Глашатай: И всё – не как у нас.

Фактор: Это ваш поэт нарасказывал?

Историк: Да, рассказов предостаточно. Они уже сами по себе славная поэзия.

1-й Глашатай: Вот послушайте дальше!

2-й Глашатай: Ещё хоть минутку.

Фактор: А не описывал он, какие там есть трактиры, пивные?

1-й Глашатай: Про них я, правду сказать, не спрашивал.

2-й Глашатай: Да уж, тут вы оплошали.

Фактор: Где-где, а в дороге о таких предметах узнаёшь запросто. Если он отменный поэт, то уж верно хоть один отменный трактир да нашёл.

1-й Глашатай: Нашёл, нашёл. Иначе я был бы худшего мнения о его стихах.

2-й Глашатай: Да и о прозе, понятно.

Историк: Осмелюсь полюбопытствовать, что он за поэт – мужской или дамский?

2-й Глашатай: Разве есть различие?

Фактор: Преизрядное, как между мужским и дамским портным.

1-й Глашатай: В чём же оно состоит? Сделайте милость, растолкуйте.

Фактор: Изволите видеть, у мужского поэта слог сильный и крепкий. Ведь сказано о Пиндаре: *Monte decurrens velut amnis*.^{xiii} У дамского же слог струится плавно, ласкает слух. Как прекрасно отозвался о своих писаниях один такой поэт:

Стих должен гладок быть и словно сливки нежен.
Не нужен здесь поток, не нужен бурный стрежень.^{xiv}

2-й Глашатай: А дальше?

Фактор: Дальше не знаю. Кроме этих строк, я ничего не нашёл.

1-й Глашатай: Вот досада! Такое сочинение не грех поставить в образец всем поэтам.

Печатник: Повидаться бы с вашим поэтом-путешественником. Он, верно, добирался до Луны пешком?

1-й Глашатай: Отчего вы так думаете?

Печатник: Оттого что один из наших известнейших поэтов (хороший или нет – судить не берусь) совершил пешую прогулку в Эдинбург и обратно.^{xv} Теперь-то о нём ничего не слышно; говорят, удалился на покой. Мне доподлинно известно, что с тех пор он не выдал в свет ни строчки.

1-й Глашатай: Так верно, и не написал ни строчки. Напишет – выдаст, будьте благонадёжны. Тому порукой особа, от коей мы получили свои новости. Ведь особа эта, побывавшая на Луне, и есть ваш поэт.

Печатник: Ба! Уж и туда поспел? Может, туда он верхом добирался?

Фактор: Вот-вот, с ветерком, на пиитическом скакуне. На пари.^{xvi}

1-й Глашатай: Право же, нет. Он поднялся на крыльях своей музыки. Добраться до Луны есть лишь три средства. Первое – по примеру Эндимиона вознестись туда во сне или в мечтании. Другое – способ Мениппа: взлететь на крыльях,^{xvii} его-то и избрал поэт. Есть и третье, к которому прибег Эмпедокл. Эмпедокл был тщедушный высохший старец, и когда он бросился в Этну, дым подхватил его и унёс на Луну, где он и посейчас пребывает. Порхает себе, как пушинка: после прыжка в эту угольную шахту тело его стало пепел и копоть. Наш поэт повстречал его и имел с ним разговор.^{xviii}

Историк: На каком языке, любезный сэр?

2-й Глашатай: Они изъяснялись знаками и жестами. На Луне не знают членораздельной речи и вместо слов совершают под музыку определённого рода телодвижения. Всякая беседа там исполнена гармонии.^{xix}

Фактор: Телодвижения! Уж это надо прежде умом двинуться. А как же обходятся тамошние стряпчие?

2-й Глашатай: Тамошние стряпчие сплошь пифагорейцы: немые как рыбы.^{xx} Им нет нужды упражняться в красноречии – ведь там никто не сутяжничает.

Фактор: Да чем же они на пропитание-то зарабатывают?

1-й Глашатай: А они питаются вечерней росой, вместе с кузнечиками. А дружбу водят с перекрестчиками.^{xxi}

Фактор: Неужто там и перекрестчики завелись?

2-й Глашатай: Пропасть. Только у лунных в голове форменное лунное затмение: очень они молчаливые, не в пример земным. Ничего кроме «гм» или «ха» от них не услышишь. Не лезут с пророчествами, не возглашают, вскочив на скамью, своё учение.

1-й Глашатай: А в миле от Луны есть место, где собирается Коллегия розенкрейцеров. Воздушный замок на колёсах и с крылатым фонарём^{xxii}...

Печатник: Да, про это печатали.

2-й Глашатай: На Луне вы найдёте самых диковинных существ, о каких только вам случилось помыслить.

Фактор: А, так, стало быть, там и женщины есть?

1-й Глашатай: Да ещё какие пылкие! Стонут так, что заглушат шумливейших торговков Эдинбурга.

Фактор: А воздыхатели их, поди, чудачат точь-в-точь как наши.

2-й Глашатай: Чудачить-то чудачат, но в отличие от подлунных кавалеров ни одному не взбредёт в голову из любви удавиться или пожирать свечные огарки^{xxiii} или пить за прелестные глазки, покуда у самого в глазах не помутится.

Фактор: Так-таки и не одному?

1-й Глашатай: Объявится иной раз какой-нибудь любитель повздыхать или зачувствоваться до одури, но такого для острастки прочим тут же вешают вверх ногами. И висит он себе вниз головой, точно комета с шутихой на хвосте.

Печатник: Изрядное правило!

Фактор: А нет ли там таких, что любят лишь себя?

2-й Глашатай: Были, да повымерли из-за недостатка модных портных.

Фактор: Вот так удача! Давайте поделимся с ними нашими себялюбцами.

2-й Глашатай: Да там ещё двое-трое осталось. Только без портных совсем умом обносились, оттого всякий из них глуп как лунный мерин.

Печатник: Лунный мерин? А позвольте полюбопытствовать, что это за невидаль такая – лунный мерин?

2-й Глашатай: Уж и невидаль! На Луне это такой же привычный зверь, как у нас дураки.

1-й Глашатай: И знатные дамы возятся с меринятами как с болонками.

Фактор: Выходит, там и знатные дамы имеются?

2-й Глашатай: И знатные кавалеры, и мелкие дворянчики.

Фактор: А слуги, кареты?

1-й Глашатай: Есть и кареты. И представьте, на ветряной тяге. Такие же ветреные как знатные дамы.

Историк: Славно. Вроде китайских возков^{xxiv}.

Фактор: А нет ли там урочища вроде нашего Гайд-парка? Куда тамошние дамы ездят, если придёт охота подышать воздухом, уединиться в укромном уголке?

2-й Глашатай: Ни в одном Гайд-парке всего крещёного мира не найдёте вы такой укромности, как на Луне. Там всё делается в облаках: гуляют в облаках, сидят в облаках, возлежат в облаках, заводят шашни в облаках. Сами кареты – и те облака.

Печатник: Так они без кучеров разъезжают? Кто же подаст им карету, кто её разобьёт в щепки?

2-й Глашатай: Кучера! Там всякого земного кучера обставят, как мальчишку. Какой ещё кучер, когда у вас возникнет с раздутыми по-трубачьи щеками и ветром в глотке? Этаким возникнет задует кучера в такую даль, что и глазом не достать. Или просвистит над ним на своих нетопыриных крыльях и обгонит мили на полторы, а кучер всё будет тянуть шею и вертеть головой – высматривать, куда это он запропал.

Фактор: И у них, конечно же, есть целебные источники, и больные круглый год ездят на воды?

1-й Глашатай: Перед тамошними водами все эти ваши Танбриджи и даже Спа^{xxv} – сущая лужа. Есть там россыпь островов, которые зовут Острова Блаженства, и когда наступает тёплая пора, все устремляются туда.

Фактор: На облаках?

1-й Глашатай: На чём же ещё? Там и вместо лодок облака.

2-й Глашатай: А иные прибывают в тумане. Туман на Луне – вещь обыкновенная. Для человека со средствами – лучший способ укрыться от чужих взглядов. Купишь тумана, напустишь вокруг и ходишь. Вся цена – медный грош.^{xxvi}

1-й Глашатай: Один остров носит имя Эписин, потому что оба пола там уравниены, и платье у мужчин и женщин на один покрой.^{xxvii} Никаких коротких волос и коротких кафтанов, никаких широких шляп и нарядных шнуровок. Там и не расшнуровываются никогда, чтобы не обнаружить различие. Знай веселятся, нежатся в лунном свете и тычут своими кинжалами. Эписин в лунном свете – вам такое блаженство и не снилось!^{xxviii}

2-й Глашатай: Когда же вдосталь напьются усладительных вод, наласкаются-нацелуются и соберутся в обратный путь, то те, которые женщины, кладут особого рода яйца (детей там не вынашивают), а из них выходят на свет существа подобные людям, но по природе птицы – название им волаты.^{xxix} Тело у них частью покрыто перьями, и они порхают с острова на остров. Желаете полюбоваться на такой выводок – извольте.

1-й Глашатай: И правда: они уже порядком натрудили уши, пора задать работу их глазам.

2-й Глашатай:

Нет резвых крыл у нас, чтобы вослед
Мениппу взмыть к луне, как наш поэт.
Но тотчас делается даль ясна
И нашим взорам явится Луна.

Входят волаты-участники антимаски^{xxx} и танцоры. Вслед за тем 2-й Глашатай объявляет:

Мы дерзнули довести Вашему Величеству не новые новости, ибо имели в предмете не столько уверить, сколько позабавить. Теперь же мы доставим вам приятный случай узнать об открытии более благородного свойства, столь же достойном вашего слуха, сколько самый предмет достоин вашего взора: это ваши соплеменники, Вашим Величеством просвещённые, укреплённые, одушевлённые и ободрённые. От созерцания добродетелей ваших вознеслись они превыше Луны и замерли, замороженные несказанным благочестием, мудростью и величием, коими озарили их вы, отразив сияние божественного светила, что одно лишь вас превосходит. Но пусть и далеко унеслись они от Земли, дабы обозреть ваше величие, теперь, окрылённые надеждой, спешат они назад, ближе к благорасположению вашему. Руководимые истиной, этим превосходнейшим подобием вашим, они по примеру Прокрита, подчиняют всякое движение музыке вашей безмятежности и единственной целью своей полагают снискать вашу милость, которая одна способна умерить и прогнать стужу, охватившую их по пути через края не столь тёплые.^{xxxi}

Музыка. Сцена открывается. Театр представляет лунный край, откуда спускаются маски. Они стряхивают с себя сосульки.

ПЕСНЯ ПЕРВАЯ

Пусть ослепляет блеск лучей –
Не обмирай, не цепеней,
 Не стой, разинув рот.
Движеньям ловким дай простор,
Чтоб ими услаждался взор –
 И оторопь пройдёт.

Лучи хотя и горячи,
Хотя живительны лучи,
 Но ясности всё нет.
Кто знаньем робость изживёт,
Тот мудрым оком разберёт,
 Откуда этот свет.

Следует первый танец

ПЕСНЯ ВТОРАЯ

Взгляни: перед тобою трон.
Не пламенный ли там возжён?
 О чудо из чудес,
Что, удивляя всякий час,
Как зеркало, стремится на нас
 Блеск светоча небес!

Он – совершеннейший рассказ,
Где что ни слово, то алмаз.
 По стройности ума
Он чтится мерою всего,
И повеления его –
 Гармония сама.

Тут вступают зрители, и начинается главный танец.

ПЕСНЯ ТРЕТЬЯ

Усталость вас не пригнетёт:
Ведь тот,
Кто танцу быть велел,
Не положил предел
И дать ему способен вечный ход.

И впрямь, неистошим у вас
Запас
Причудливых затей.
Велик он, ей-же-ей, –
Как сила, что стремится вас в этот пляс.

А тот, чьей славою полна
Страна –
Вам первым эта честь –
О нём доставить весть:
Пусть о нём узнает и Луна!

Последний танец.

ПЕСНЯ ЧЕТВЕРТАЯ

Взгляни, взгляни, Преславный, ввысь.
Дивись:
Вот я под небеса
Взвился,
Свой голос воскрыля,
Хваля
Премудрость короля,

Чтоб пела синева

Земной музыке в лад.

Хор: Подхватывай же, брат:

«Иаков» – и едва

Заслышав этот звук,

Всяк возликует вдруг –

Иль Славы в мире нет, а Истина мертва.

1-й Глашатай: Взгляни: что это звуки принесли?

Что это в вышине стремится свой бег?

2-й Глашатай: То Слава, коей сильны короли,

И Зависти не сладить с ней вовек.

На сем маска кончается.

ⁱ «Из мрака рождается [лунный] диск и сам себя восполняет» (лат.)

ⁱⁱ Способ распространения новостей, широко использовавшийся в Елизаветинскую и Якобианскую эпоху. Такие письма предназначались не только определённому адресату, а целому определённому кругу лиц. В годы правления Карла I появилось ещё одно «средство массовой информации» - «ведомости» (*news letters*). Они представляли собой гибрид газеты и почтовой бумаги – отпечатанную подборку слухов, собранных в лондонских кофейнях, с приложением чистого листа для письма.

ⁱⁱⁱ Этот замысел был позднее обыгран Джонсоном в комедии «Лавка новостей» (1625. Подробнее см. вступительную статью). Автор перенёс в неё отдельные фрагменты из диалога настоящей маски.

^{iv} Речь идёт об изданном в 1614 г. печатном листке под названием: «Правдиво и чудесно. Беседа о страшном и чудовищном змее или драконе, недавно обнаруженном и ещё существующем. О великих бедствиях и многочисленных убийствах людей и скота, погибающих от его страшного и жесткого яда, в Суссексе, в двух милях от Хорсэма, в лесу, который называется лесом св. Леонарда, в августе 1614 г.» Этот листок, выпущенный лондонским издателем Джоном Трандлом, часто высмеивался в литературе того времени как образец нелепой сенсационщины.

^v Неф лондонского Собора Св. Павла во времена Джонсона был любимым местом для прогулок у знатной публики (именно там происходит действие одного из эпизодов ранней комедии Джонсона «Всяк не на свой лад») и заключения торговых и иных сделок. Завсегдатаи

обменивались последними – часто недостоверными – новостями. В комедии «Лавка новостей» владелец лавки командирует своего подручного в Собор Св. Павла за свежими известиями.

^{vi} Дромгед – верхний круг кабестана, лебёдки с барабаном для выбора судовых якорей или швартовки.

^{vii} Об этом способе сообщается в схождениях к комедиями Аристофана: если определённым образом сделать надпись кровью на зеркале и направить его на Луну, то написанное отразится на лунном диске.

^{viii} Вероятно, Джонсон, как и в комедии «Всяк не на свой лад» разоблачает мнимую учёность героя, заставляя его приписать авторство философского труда совсем другому мыслителю. В данном случае Печатник объявляет трактат Плутарха «О лике, видимом на Луне» (*De facie quae in orbe lunae apparet*) работой знаменитого алхимика и астролога Корнелия Агриппы Неттесгеймского.

^{ix} Правильно – Корнелис Дреббель (1572-1633), голландский изобретатель, с 1604 г. работавший в Англии и пользовавшийся покровительством короля Якова. В 1620 г. он закончил работу над «ныряющей лодкой» – одной из первых конструкций подводной лодки – и проплыл в ней по Темзе от Вестминстера до Гринвича на глубине 4 метров. В оригинале фамилия изобретателя звучит как Dribble – вполне возможно, что Джонсон умышленно искажил её на юмористический лад, произведя от английского глагола *dribble* (сочиться, капать). В комедии «Лавка новостей» старший приказчик Лавки приписывает Дреббелю изобретение невидимого угря, способного потопить вражеский флот.

^x В оригинале – “*mathematician’s perspicil*”. В языке того времени слово *mathematician* часто употреблялось в значении «астролог». По мнению А. Нестерова, в данном случае Джонсон имеет в виду Джона Ди (1527-1608), английского астролога и алхимика, известного своими изысканиями в математике и нумерологии. Ди пользовался большим уважением королевы Елизаветы, которая часто обращалась к нему за советом. В 1583-1589 гг. Ди побывал в Европе, в частности, в Богемии, при дворе императора Рудольфа.

^{xi} По английским народным поверьям, на Луне виден человек с вязанкой хвороста и собакой. Существует множество разновидностей этого сюжета. Происхождение Человека с Луны легенды объясняют по-разному: одни видят в нём Каина, другие – Эндимиона, третьи – нарушителя дня субботнего, наказанного Моисеем и Аароном (Числа, 15, 32-36) и т.п.

^{xii} Самое известное драматическое произведение, где Человек с Луны появляется с перечисленными атрибутами, конечно же, трагедия о Пираме и Фисбе, которую разыгрывают ремесленники в шекспировском «Сне в летнюю ночь» (актёр с фонарём, вязанкой терновника и собакой изображает «лунный свет»). Следует отметить, что в оригинале эта реплика Второго Глашатая звучит несколько двусмысленно: “*These are stale ensigns of the Stage’s man i’ the moon, delivered down to you by musty antiquity, and are of as doubtful credit as the maker’s*”. Если в вопросе об авторстве шекспировского наследия встать на позицию антистратфордianцев, то выделенная фраза может иметь и другое прочтение: «... и столь же сомнительны, сколь и сам сочинитель».

^{xiii} Гораций, Оды, IV, 2. Полностью фрагмент, содержащий эту строку, звучит так:

«Как с горы поток, напоённый ливнем
Сверх своих берегов, устремляет воды,
Рвётся так, кипит глубиной безмерной
Пиндара слово». (Пер. Н. Гинцбурга)

^{xiv} Эти рассуждения (вместе с двустишием) встречаются в работе Джонсона «Заметки и наблюдения над людьми и явлениями, сделанные во время ежедневного чтения и отражающие своеобразие отношения автора к своему времени» (русский перевод см. в кн. «Литературные манифесты Западноевропейских классицистов», М., 1980, с. 177).

^{xv} Джонсон имеет в виду самого себя и своё путешествие в Шотландию, совершённое в 1618-1619 гг.

^{xvi} Путешествия в дальние страны в шекспировскую эпоху было сопряжено с большими опасностями, и путешественники нередко оставляли знакомым денежный заклад, который в случае благополучного возвращения им должны были отдать в двукратном, трёхкратном или четырёхкратном размере. На таком пари, в частности, построена интрига пьесы «Бал», написанной современником Джонсона Дж. Ширли (в сотрудничестве с Дж. Чапменом). См. также комедию Джонсона «Всяк не на свой лад».

^{xvii} Аллюзия на диалог Лукиана (одного из любимейших античных авторов Джонсона) «Икароменипп, или Заоблачный полёт».

^{xviii} Ср.: «...Вдруг сзади подошёл ко мне Эмпедокл; весь в пепле и словно поджаренный, он весьма напоминал собою головню (...) “Я – Эмпедокл, философ. Лишь только я бросился в кратер Этны, дым вулкана охватил меня и забросил сюда [на Луну].”» (Лукиан, «Икароменипп», 13, пер. С. Лукьянова)

^{xix} Явная аналогия с небесной гармонией, порождаемой движением небесных сфер (согласно птолемеевой системе).

^{xx} «Они [пифагорейцы] были молчаливы, любили слушать, и умеющий слушать у них устаивался похвал.» (Ямвлих, «О пифагорейской жизни», 163, пер. А. Лебедева)

^{xxi} В оригинале – *doppers* (от голландского *dooper*: «погружающийся»), презрительное название анабаптистов (перекрещенцев). В конце XVI в. значительное число анабаптистов, спасаясь от гонений, перебралось в Англию. В своих комедиях и масках Джонсон постоянно издевается над неистовым фанатизмом перекрещенцев.

^{xxii} Джонсон описывает гравюру, изображающую Коллегию Братства Розенкрейцеров, из трактата Теофила Швейгхардта “*Speculum sophericum Rhods-Stauroticum, Das ist: Weilauffige Entdeckung des Collegii und axiomatum von sondern erleuchten Fraternitet Christi-Rosen Creutz*” (1618)

^{xxiii} Такими эксцентричными выходками выражали преданность даме своего сердца влюблённые шекспировской эпохи. Ср.:

«Возлюбленную поищи себе
Среди красоток из предместья, братец.
Шесть пенсов, две-три клятвы – и она
К твоим услугам. Ввязывайся в драки
Из-за неё и за её здоровье
Огарками закусывай вино.» (Ф.Бомонт, Дж.Флетчер, «Мсье Томас», II, 2,

пер. П.Мелковой)

^{xxiv} В старинных космографиях встречались утверждения, будто в Китае были изобретены тележки, передвигающиеся по суше при помощи парусов.

^{xxv} Танбридж – курорт графстве Кент с минеральными источниками, открытыми в 1606 г. Спа – курорт в Бельгии, в северных предгорьях Арденн.

^{xxvi} Интересная параллель к этому месту – монолог сэра Эпикура Маммона, героя комедии Джонсона «Алхимик», где также встречается тема «купленных туманов». В ожидании богатства сэр Маммон мечтает, как он украсит свою спальню, чтобы в ней было удобнее предаваться любовным утехам. К убранству спальни относятся и ароматные туманы:

«Чтоб нас
Не видно было, напушу клубы
Тумана от куренья благовоний» (II, 2)

Надо также иметь в виду, что подобные «дымовые завесы» входили в число сценических эффектов, которые использовались при постановке масок.

С другой стороны, поскольку лунные туманы служат для маскировки, этот пассаж можно рассматривать как продолжение антирозенкрейцеровской линии маски – язвительный намёк на «невидимость» розенкрейцеров.

^{xxvii} Упоминание острова Эписин вводит ещё одну тему, характерную для творчества Джонсона начиная с комедии «Эписин, или Молчаливая женщина» (1609). Само слово *episcene* в английском языке означает «не имеющий признаков определённого пола, обоеполый» или «наделённый признаками противоположного пола: женоподобный мужчина, мужеподобная женщина». Эписин в «Молчаливой женщине» – это не только имя героини, которая на поверку оказывается переодетым мальчиком, но ещё и характеристика компании «эмансипированных» дам, образовавших собственную «коллегию» и ведущих себя не подобающим женщине того времени образом. Антифеминистская сатира присутствует и в других произведениях Джонсона.

^{xxviii} Описание Блаженных островов явно восходит к «Правдивой истории» Лукиана, где изображён фантастический Остров Блаженных (II, 5-19).

^{xxix} От лат. *volare* (летать, порхать)

^{xxx} Антимаска – дополнение к маске, введённое Джонсоном. Антимаска (по некоторым предположениям это название происходит от *antic masque* – «шутовская маска») представляла собой комическую гротескную сценку, по тону противостоящую внешней серьёзности основной части маски.

^{xxxi} Согласно физическим представлениям того времени, в срединной области между землёй и небом царит ледяной холод.